

Александр Куприн

Конокрады

Александр Куприн

Конокрады

«Public Domain»

1903

Куприн А. И.

Конокрады / А. И. Куприн — «Public Domain», 1903

«Вечером, в середине июля, на берегу полесской речонки Зульни лежали в густом лозняке два человека: нищий из села Казимирки Онисим Козел и его внук, Василь, мальчишка лет тринадцати. Старик дремал, прикрыв лицо от мух рваной бараньей шапкой, а Василь, подперев подбородок ладонями и сощурился глазами, рассеянно смотрел на реку, на теплое, безоблачное небо, на дальний сосновый лес, резко черневший среди пожара зари...»

© Куприн А. И., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	15
V	18

Александр Иванович Куприн

Конокрады

I

Вечером, в середине июля, на берегу полесской речонки Зульни лежали в густом лозняке два человека: нищий из села Казимирки Онисим Козел и его внук, Василь, мальчишка лет тринадцати. Старик дремал, прикрыв лицо от мух рваной бараньей шапкой, а Василь, подперев подбородок ладонями и сощутив глаза, рассеянно смотрел на реку, на теплое, безоблачное небо, на дальний сосновый лес, резко черневший среди пожара зари.

Тихая река, неподвижная, как болото, вся была скрыта под сплошной твердой зеленью кувшинок, которые томно выставляли наружу свои прелестные, белые, непорочные венчики. Лишь на той стороне, у берега, оставалась чистая, гладкая, не застланная листьями полоса воды, и в ней мальчик видел отраженные с необыкновенной отчетливостью: и прибрежную осоку, и черный зубчатый лес, и горевшее за ним зарево. А на этом берегу, у самой реки, в равном расстоянии друг от друга стояли древние, дуплистые ветлы. Короткие прямые ветки топорщились у них кверху, и сами они – низкие, корявые, толстые – походили на приземистых старцев, воздевших к небу тощие руки.

Тонким, печальным свистом перекликались кулички. Изредка в воде тяжело бултыхалась крупная рыба. Мошкара дрожала над водой прозрачным, тонким столбом.

Козел вдруг приподнял голову с земли и уставился на Василя оторопелым, бессмысленным взглядом.

– Ты что сказал? – спросил он невнятно, хриплым голосом.

Мальчик ничего не ответил. Он даже не обернулся на старика, а только медленно, с упрямым, скучающим выражением опустил и поднял свои длинные ресницы.

– Скоро придут, – продолжал старик, точно разговаривая сам с собой. Треба, пока что, покурить.

Он вяло перевалился на бок и сел на корточки, по-турецки. На обеих руках у него были отрублены все пальцы, за исключением большого на левой руке, но этим единственным пальцем он ловко и быстро набил трубку, придерживая ее культишкой правой руки о колено, достал из шапки спички и закурил. Сладковатый, похожий сначала запахом на резеду, дымок махорки поплыл синими струйками в воздухе.

– Что же, ты сам видел Бузыгу? – как будто нехотя спросил Василь, не отводя глаз от заречной дали.

Козел вынул трубку из рта и, нагнувшись на сторону, звучно сплюнул.

– А как же? Известно, сам... Ух, отчаянный челядь. Совсем как я в старые годы. Гуляет по целому селу, пья-а-ный-распьяный... как ночь!.. Жидков-музыкантов нанял, те попереди его зажаривают, а он себе никаких. В правой руке платок, сапоги в новых калошах, на жилетке серебряная чепка. Пришел до Грипы Ковалевой: «Гей, курва, горилки!» В стакан бросил серебряного рубля, горилку выпил, а деньги музыкантам кинул. Хлопцы за ним так чередой и ходят, так и ходят... Косятся, как те собаки на волка, но а ни-ни! Ничего не могут, только зубами на него клямкают.

– О? – воскликнул с восторженным недоверием мальчик.

– Обыкновенно... А ему что? О-го-го!.. Ему плевать на них. Я твоих коней не крал? – значит, и ты до меня не цепляйся. От, если бы я твои кони украл да ты бы словил меня, – ну, тогда твой верх: имеешь полное право бить. А то – не-ет, шалишь... Это не проходит.

Мальчик молча глядел на реку. На ней уже начали покрикивать, сперва изредка, точно лениво, звонкие лягушечьи голоса. Вечерний туман дымился в камыше и легким, как кисея, паром вился над водой. Небо потемнело и позеленело, и на нем яснее выступил незаметный до сих пор полукруг молодого месяца.

– Козел, а правду говорят, что у Бузыги ребра двойные? – спросил задумчиво Василь. – Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?

– Истинная правда. Как же иначе? У него все ребра срослись, до самого пупа. Такого, как Бузыга, хоть чем хочешь бей, а уж печенка ты ему, брат, не-ет... не отобьешь. Потому что у него печенки к ребрам приросли. А у человека печенки – это первая штука. Если у человека отбиты печени, то тому человеку больше не жить. Заслабнет, начнет харкать кровью: ни есть, ни пить не может, а там и дуба даст...

Мальчик пощупал свою грудь, тонкие бока, впалый живот и протяжно вздохнул.

– А то еще вот, говорят, что двойная спина бывает... как у лошадей, сказал он печально. – Правда это, Козел?

– Это тоже правда. Бывает.

– А у Бузыги?

– Что у Бузыги?

– У него тоже двойная спина?

– Ну, уж этого я не знаю. Не могу сказать.

– Я думаю, у него тоже двойная...

– Все может быть, – покачал головой старик. – Все может быть... Главное, Бузыга – он хитрый на голову. О-го-го! Это такой человек! В Шепелевке он раз попался... Хотя, скажем, и не попался, а выдал его один хлопец. Из-за бабы у них зашло. Накрыли его с конями в поле... Было это вечером. Ну, обыкновенно, привезли в хату, зажгли огня и стали бить. Всю ночь били насмерть, чем попало. Мужики, если бьют, так уж у них, известно, такой закон, чтобы каждый бил. Детей, баб приводят, чтобы били. Чтобы, значит, потом всей громаде зараз отвечать. Вот, бьют они его, бьют, устанут, давай горилку возле него пить, отдышутся трошки – опять бьют. А Митро Гундосый видит, что Бузыга уже ледве дышает, и говорит: «Почекайте, хлопцы, как бы злодий у нас не кончился. Заждите, я ему воды дам». Но Бузыга – он хитрый – он знает, что если человеку после такого боя дать воды напиться, то тут ему и смерть. Справился он как-то и просит: «Православные хрестьяне, господа громада, как бы вы мне поднесли одну кляшечку горилки, а там хоть снова бейте. Чую я, что конец мой подходит, и мне хочется перед смертью в опушный раз попробовать вина». Те засмеялись, дали ему склянку. Потом уже больше не мучили – все равно, видят, человек и сам помирает, – а отвезли его в Басов Кут и бросили, как то стерво. Думали, там и кончится. Однако ничего: не поддался Левонтий, выдыхал... Через два месяца у Митро Гундосого пара коней сгинула. Добрые были кони...

– О! Это Бузыга? – радостно вскрикнул мальчик.

– Кто бы ни был, не наше дело, – значительно и злобно возразил Козел. Приходил после того Гундосый до Бузыги, в ногах у него валялся, ноги ему целовал. «Возьми гроши, только укажи, где кони. Ты знаешь!» А тот ему отвечает: «Ты бы, Митро, воды пошел напился». Вот он какой, Бузыга!..

Старый нищий замолчал и стал с ожесточением насасывать трубку. Она сочно хрипела, но не давала уже больше дыму. Козел вздохнул, выколотил трубку о свою босую подошву и спрятал ее за пазуху.

Лягушки заливались теперь со всех сторон. Казалось, что весь воздух дрожал от их страстных, звенящих криков, которым вторили глухие, более редкие, протяжные стоны больших жаб. Небо из зеленого сделалось темно-синим, и луна сияла на нем, как кривое лезвие серебряной алебарды. Заря погасла. Только у того берега, в чистой речной заводи, рдели длинные кровавые полосы.

– Козел, я, когда вырасту, тоже буду коней красть! – произнес вдруг тихим, горячим шепотом мальчик. – Не хочу милостыню собирать. Я буду как Бузыга.

– Тес... постой... – встрепенулся старик. Он поднял кверху свой страшный палец и, наклонив голову набок, внимательно прислушался. – Идут!

Василь быстро вскочил на ноги. В густой заросли ивняка чуть слышно шлепала вода под чьими-то шагами. Мужские голоса говорили глухо и монотонно.

– Гукни, Василь, – приказал старик. – Только не швидко.

– Гоп-гоп! – крикнул мальчик сдавленным от волнения голосом.

– Гоп! – коротко отозвался издали сдержанный спокойный бас.

II

Кудрявые верхушки лозняка закачались, раздвигаемые осторожной рукой. Из кустов на притоптанное, сухое местечко, где дожидались нищий и мальчик, бесшумно вынырнул, согнувшись вдвое, коротконогий, бородатый, неуклюжий с виду мужичонка в рваной коричневой свитке. Прямые, жесткие волосы падали у него из-под капелюха на брови, почти закрывая черные косые глаза, глядевшие мрачно и недоверчиво исподлобья. Голову он держал наклоненной вниз и немного набок, по-медвежьки, и когда ему приходилось посмотреть в сторону, то он не повертывал туда шею, а медленно и неловко поворачивался всем телом, как это делают люди-кривошеи или больные горлом. Это был Аким Шпак, известный пристанодержатель и укрыватель краденого. Он же указывал верные места для дела и «подводил» конокрадам лошадей.

Шпак пристально, с враждебным видом оглядел старика и мальчика и, затоптавшись на месте, повернул назад свое несуразное тело с неподвижной шеей.

– Бузыга, сюда! – сказал он сипло.

– Здесь! – весело, по-солдатски, ответил низкий, самоуверенный голос. Бывайте здоровенькие, панове злодіи.

На прогалину вышел рослый рыжий человек в городском платье и высоких щегольских сапогах. Он протянул было руку Козлу, но, заметив свою ошибку, тотчас же спохватился.

– А, черт... Я забыл, что тебе нечем здороваться, – сказал он небрежно. – Ну здравствуй так. А это тот самый хлопец, про которого говорили? – показал он на Василя.

– Тот, тот, – поспешно закивал головой старый нищий. – О, это такой проворный хлопец... все равно как пуля. Что ж, седай, Левонтий?

– Сяду – гостем буду; угощу горилкой – хозяином буду, – равнодушно пошутил Бузыга, опускаясь на землю. – Аким, достань там, что есть.

Аким вынул из холщовой торбы полштоф водки, несколько каленых темных яиц, половину большого хлеба и положил все это на траву, подле Бузыги. Козел жадно следил за каждым движением и своим единственным пальцем нервно тербил седой подстриженный ус.

– А я уж думал, что не придешь ты, – сказал старый нищий, обратив лицо к Бузыге, но не отрывая глаз от рук Акима. – Видел я тебя днем в Березной... пьяней вина... Ну, думаю, не придет вечером Бузыга. Куда ему... Х-ха! А по тебе и не видно.

– Меня горилка не берет, – вяло уронил Бузыга. – Прикидывался я. Да и спал до вечера.

– У Грипы спал?

– А тебе что? Ну, у Грипы.

– Нет, я так, ничего... Любят тебя бабы.

– А черт их дерит. Пускай любят, – равнодушно пожал плечами Бузыга. Или тебе завидно?

– Где уж мне! Я забыл, как и думают про это... Небось не пускала она тебя?

– Еще бы! Меня не пустишь!.. – Бузыга прищурился и самоуверенно мотнул подбородком вверх. – Пей лучше горилку, старый. Ты, я вижу, все около чего-то крутишься. Спросил бы прямо.

– Чего мне спрашивать? Мне нечего спрашивать. Я просто так... Пью до вас, пане Бузыга. Бывайте здоровенькие, пошли вам бог успеха во всех делах ваших.

Старик ухватил своим пальцем, как подвижным крючком, горлышко бутылки и дрожащей рукой поднес его ко рту. Долго цедил он по каплям сквозь зубы водку, потом передал бутылку Бузыге, утерся рукавом и спросил с деланной развязностью:

– Пытала она тебя, куда собрался?

– Кто?

– Да Грипа же.

Бузыга внимательно и серьезно поглядел старику в лоб.

– Спрашивала. Ну? – протяжно произнес он, сдвигая брови.

– Да я же... Да господи... я просто так себе... Я же знаю, что ты все равно не скажешь...

– Вы бы заткнулись лучше, дядько Козел, – веско посоветовал, глядя куда-то вбок, молчаливый Аким.

– Ой, хитришь ты, старая собака, – сказал Бузыга, и в его сильном голосе дрогнули, нежданно прорвавшись, какие-то звериные звуки. – Смотри, брат, – тебе Бузыгу не учить. Когда Бузыга сказал, что он в Крешеве, то, значит, его будут шукать в Филипповичах, а Бузыга тем часом в Степани на ярмарке коней продает. Тебе Шпак правду говорит: лучше молчи.

Во все время, пока Бузыга говорил, Василь не сводил с него пристального и тревожного взгляда. В наружности конокрада не было ничего необыкновенного. Его большое, изрытое оспой лицо, с крутыми рыжими солдатскими усами, было неподвижно и казалось скучающим. Маленькие голубые глаза, окруженные белыми ресницами, смотрели сонно, и только в самую последнюю минуту в них зажглось странное – острое и жестокое выражение. Движения у него были медленные, ленивые и как будто рассчитанные на то, чтобы тратить на них наименьшие усилия, но его могучая, круглая шея, выступавшая из косого ворота рубашки, длинные руки с огромными рыжеволосыми кистями, наконец, широкая, свободно согнувшаяся спина говорили о телесной силе необычайных размеров.

Под влиянием упорного взгляда мальчика Бузыга невольно повернул к нему голову. Глаза его сразу погасли, и лицо сделалось равнодушным.

– Ты что на меня задивился, хлопчик? – спросил он спокойно. – Как тебя зовут?

– Василь, – ответил мальчик и тотчас же откашлялся: таким слабым и свистящим показался ему собственный голос.

Козел угодливо хихикнул.

– Хе-хе-е! Ты его, Бузыга, спроси, что он будет делать, когда подрастет? Перед тобой мы с ним балакали. Не хочу, говорит, Христа ради просить, как ты. А я, говорит, буду как Бузыга... Я уж с него смеялся, аж боки рвал! – соврал для чего-то Козел.

Мальчик быстро повернулся к деду. Его большие серые глаза потемнели, расширились и загорелись гневом.

– Ладно. Молчи уж, – сказал он грубо, срывающимся детским басом.

– Ах ты, подсвинок! – воскликнул с удивлением и с неожиданной лаской в голосе Бузыга. – А ну-ка, ходи ко мне. Горилку пьешь?

Он поставил Василя между своими коленами и большими, сильными руками плотно обнял его тонкое тело.

– Пью! – храбро ответил мальчик.

– Эге, с тебя добрый воряга будет. Ну-ка, тяпни.

– Как бы не завредило? – с лицемерной заботливостью заметил Козел, жадно глядя на бутылку.

– Молчи, старый лис. Останется и тебе, – успокоил его Бузыга.

Василь сделал большой глоток и закашлялся. Что-то отвратительное на вкус, горячее, как огонь, обожгло ему горло и захватило дыхание. Несколько минут он, как рыба, вытасченная из воды, ловил открытым ртом воздух и страшно хрипел. Из глаз у него покатались слезы.

– От так. Теперь садись, казак, промеж казаками, – сказал Бузыга и легонько оттолкнул от себя Василя. И, точно сразу забыв о мальчике, он равнодушно заговорил с Козлом.

– Давно я собираюсь тебя спросить, где ты свои пальцы загубил? медленно ронял Бузыга низкие, ленивые звуки.

– Случай был такой, – с притворной неохотой ответил нищий. – Вышла гистория из-за коней.

– Слыхал, что из-за коней... Ну?

– Ну, вот... Да тут нема ничего интересного, – мямлил Козел, протягивая слова. Ему чрезвычайно хотелось подробно и долго поговорить об этом страшном случае, разрезавшем пополам всю его жизнь, и он нарочно настраивал внимание слушателей. – Тридцать лет назад это было. Может быть, теперь нема и на свете того человека, который мне это сделал. Был он немец. Колонист...

Василь лежал на спине. Всему его телу становилось тепло и как-то необыкновенно, до смешного легко, а перед глазами зароилось бесчисленное множество крошечных светлых точек. Около него что-то говорили, двигались чьи-то руки и головы, над ним тихо колебались низкие черные ветви каких-то кустов и простиралось темное небо, но он видел и слышал все это, не понимая, как будто не он, а кто-то чужой ему лежал здесь, на траве, в густом лозняке. Потом он вдруг с удивительной ясностью услышал голос старого нищего, и сознание вернулось к нему с новой обостренной силой и с неожиданным глубоким вниманием к окружающему. И рассказ, который он слышал от Козла, по крайней мере, раз тридцать, снова наполнил его душу любопытством, волнением и ужасом.

III

– ...Гляжу, у корчмы привязана до столба пара коней, – рассказывал Козел певучим, жалобным голосом. – Сразу я по хургону признал, что копи немецкие: колонисты завсегда в таких хургонах ездют. Ну ж, и кони были! Сердце у меня в грудях заходило... О-го-го! Я толк понимаю в конях. Стоят оба-два, как те лялечки, ножки в землю вросли, ушки маленькие, торчком, глазом косят на меня, как зверюки... И не то чтобы очень из себя видные, нет – не панские кони, но уж мне-то от разу видно, что они за два. Такие кони тебе пробегут хоть сто верст – и ничего им не станет. Вытри им только морду сеном, дай воды по корцу и езжай опять дальше. Ну, что там толковать! Я скажу одно: вот нехай сейчас придет ко мне господь бог альбо сам святой Юрко, и нехай он скажет мне: «Слухай, Онисиме, на тебе назад твои пальцы, по чтобы ты больше никогда не смел коней красть»... Так что ты думаешь, Бузыга? Ведь я бы тех коней опять увел. Накажи меня бог, увел бы...

– Что же дальше? – перебил его Бузыга.

– Сейчас будет дальше. Аким, сверни-ка мне покурить. Да... Ходил я, ходил округ того хургона, мабуть, целую половину часа ходил. Главное, я тебе скажу – что? Главное, что человек никогда своего времени не знает. Коли бы я их сразу отвязал да поехал – все бы у меня сошлось ладно. Дорога все время лесом, ночь темная, грязюка, ветер... чего бы лучше. А я заробел. Толкусь возле коней, как дурень, а сам все думаю: «Эх, упустил я свой час! Выйдет немец из корчмы, и всему конец». Потом снова похожу, похожу и снова думаю: «Эх, и опять потерял я время задаром! – и теперь уж и совсем нельзя». И все чего-то я робею, и сам не знаю, с чего...

– Надо сразу, – решительно молвил Бузыга.

– Ах, Левонтий, Левонтий, отчего тебя тогда со мной не было? – со страстной укоризной воскликнул Козел. – Ну, да что там!.. Тебя еще и на свете тогда не было... Да. Так я, значит, и ходил округ тех лошадей и того хургона и все боялся. Может быть, оттого это так вышло, что был я тогда трезвый и голодный... разве я знаю? Сначала все марудился без толку, а потом – точно меня по потылице ударили сзади – кинулся я до коней, распутал вожжи, стал колокольцы подвязывать... Только вдруг – хлоп! выходит из корчмы той самый немец, в шапке, с кнутом. Увидел меня и кричит с лестницы: «Эй, ты, сукин кот, что ты там около коней околачиваешься? Украсть хочешь?» Я ему отвечаю: «Зачем же мне твою худобу красть? Своей у меня, что ли, нет? Ты меня поблагодари, говорю, что я твоих коней до столба привязал, а то утекли бы». – «Ладно, говорит, знаем мы, как вы привязываете. Пошел вон, свинья!» Ну, я, конечно, отошел в сторону, спрятался по-за корчму и стою. Зло меня взяло, аж трясусь весь. «Нет, думаю, этого я тебе так не оставлю».

– Понятно. Разве же можно простить? – уверенно подтвердил Бузыга. – Я бы хоть через год, а увел у него коней.

– Нет, Бузыга, не увел бы! – с глубоким убеждением возразил Козел. – У этого немца и ты бы не увел. Ты постой, не сердись... Ты послушай, что дальше было. Сховался я за корчмой и смотрю. Вот немец покрутился возле хургона и кричит: «Лейба, неси сюда овес!» Лейба, корчмарь, вынес ему четверть и спрашивает: «А отчего бы вам у меня в корчме не заночевать? Коней бы покормили». А тот говорит: «Нет, спасибо вам, мне нема часу, дуже далеко ехать. А коней, говорит, я в лесу покормлю, у Волчьего Разлога. До свиданья вам». – «До свиданья». Сел колонист в хургон и поехал. Я за ним. До Мысловой он шибко гнал рысью, но я дорогу знал добре, пустился тропкой через казенный лес напрямки. Вышел на шлях, сел в канаву, гляжу – едет немец шагом. Дал я ему проехать вперед – пошел за ним следом. Он коней в бег пустит – и я бегу, он шагом – и я шагом. О-го-го! Двадцать пять лет тогда мне было. Был я хлопец крепкий, не хуже тебя, Бузыга. Что ты думаешь: тридцать верстов я за ним отодрал – до самого Волчьего Разлога. По правде сказать, не надеялся я, что он станет на ночь в лесу,

как говорил. Думал: нарочно это он мне баки забивает, чтоб сбить меня. Но гляжу – нет, – и всамделе свергает со шляха в лес, на поляну. Разнуздан коней, все как следует быть, оглобли у хургона кверху поднял. А я пролез на животе, как та гадюка, лег за кустом и все вижу. Потому что ночью, если с горы смотреть, то ничего не увидишь, а в гору все видно...

– Знаем, – нетерпеливо сказал Бузыга. – Ну?..

– Потом, гляжу, он надел коням на ноги путы. Путы железные, я уж издали слышу, как ляскают. «Эге-ге, думаю, значит, ты тут и вправду заночуешь». Лежу... А холодно! А ветер!.. Зубы у меня так и стучат. Но ничего, скрепился я, жду. Вижу, полез немец в хургон, поворошился там трошки и затих. Много времени пошло, может час, а может два, разве я знаю? Стал я понемногу подниматься. Думаю, спит немец или только так, дурака валяет? Взял грудку земли, бросил вперед. Немец – а ни мур-мур. А у меня на него злоба так и кипит. Вспомню, как он меня обругал, – аж зубами заскриплю. Поднялся я, сел на корячки, гляжу, а оба кони прямо на меня шкандыбают, один попереди, другой сзади. Остановятся, пощиплют траву, скубнут с куста сухой листик, и снова – трюх-трюх – и все на меня. А меня, я тебе скажу, Бузыга, никакой конь ночью не испугается. Потому что есть такое слово...

– Знаю. Браки! – сердито возразил конокрад. – Говори дальше.

– Ну, все равно, как хочешь... Подошли ко мне кони так близко, что до морды только руку протянуть. Я им сейчас: шш... о-о! милый!.. Огладил одного конька – ничего... дается... Стал я ему железку распиливать. Напилонк всегда при мне был. Пилю, пилю, а сам все поглядываю: что немец? Решил я тогда второго коня не брать: дуже тяжело пилить приходилось, железки были новые, толстые, да и думаю: все равно – он меня на одном коне не догонит. Перепилил я один прут до середины. Стал пробовать, могу ли разломать. Напружился я, стараюсь со всех сил... вдруг кто-то меня сзади торк в плечо. Обернулся я, а около меня немец. Как он ко мне подобрался? черт его ведает. Стоит и зубы оскалил, точно смеется. «А ну-ка, говорит, пойдём со мной. Я тебя научу, как коней воруют». У меня от страха ноги отнялись и язык в роте как присох. А он взял меня под мышку, поднял с земли.

– А ты что же? – со злобой крикнул Бузыга.

Старик скорбно развел своими изуродованными руками.

– Не знаю, – сказал он тихо. – Вот пускай меня бог покарает, – до сего часу не знаю, что он со мной сделал. Маленький был такой немчик, ледащий, всего мне по плечо, а взял меня, как дитину малую, и ведет. И я, брат, иду. Чую, что не только утечь от него, – куда там утечь! – поворохнуться не могу. Зажал он меня, как коваль в тиски, и тащит. Почему я знаю, может, это совсем и не человек был?

Дошли мы до хургона. Одной рукой он меня держит, а сам нагнулся над хургоном и что-то лапает. Думаю я: «Что он будет делать?» А он поискал и говорит: «Нет, должно быть, не здесь». Опять за руку повел меня вокруг хургона. Зашел с другой стороны, полапал-полапал и вытаскивает топор. «Вот он, говорит. Нашел. Ну, теперь, говорит, ложи руку на драбину». Тихо так говорит, без гнева. Понял я тогда, что он хочет мне руку рубить. Затрясся я весь, заплакал... А он мне говорит: «Не плачь, это недолго»...

Стою я, как тот бык под обухом, сказать ничего не могу, а только дрожу. Взял он мою руку, положил на полудрабок – хрясь! «Не воруй, говорит, коней, коли не умеешь». Три пальца сразу отсек. Один отскочил, в лицо мне ударился. А он опять – хрясь! хрясь! – и сам все приговаривает: «Не воруй, коли не умеешь, не воруй чужих коней»... Потом велит он мне дать другую руку. Я его, как малое дитя, слушаюсь, ложу и левую руку. И снова он мне говорит: «Не воруй коней», и хрясь топором!.. Отсек он мне все пальцы, оставил только один, вот этот. – Козел протянул вперед свою изуродованную руку с торчащим вверх большим пальцем. – Посмотрел на него, посмотрел и говорит: «Ну, говорит, все равно ты этим пальцем лошадей красть не будешь, разве что другому вору поможешь. Дарю его тебе, чтобы ты им пил, ел, трубку закуривал и чтобы обо мне завсегда помнил».

– Кровь так и хлестала из меня... жжжи!.. в девять ручьев бегла. Не выдержал я. Стало мне так тошно, так скверно... А он взял меня, как котенка, за ворот, сгреб и понес. Стояла тут большая калюжа. Ночь была холодная – страсть! Аж воду сверх затянуло льдом. Притащил меня немец к той калюже, разбил сапогом лед и велит мне сунуть руки в воду. Послушался его – сразу мне стало легче. А он мне говорит: «Так и сиди, говорит, до утра. Вынешь руки – тебе же хуже будет». С этими словами отошел от меня, словил коней, запряг и уехал. Тогда я себе думаю: «Дойду до фершала...» Вынул руки – да как закричу на весь лес! Больно в Пальцах, будто их огнем пекут, а руки так и сводит в суставах... Я опять их в воду – ничего, отпускает, полегче стало... Так я – правду немец сказал – и просидел до утра. Выну руки – ну, просто гвалт, вытерпеть невозможно, опущу в воду проходит боль. К утру я совсем заоченел, а вода стала в калюжке красная, как кровь. Ехал мимо посessor из Нагорной, так он забрал меня в шарабан и привез в больницу. Перевязали меня там, вылечили, подкормили, а через месяц и на волю пустили. И на кой черт! – воскликнул он со страстной горечью. – В сто раз лучше было бы для меня там и околеть в Волчьем Разлоге!..

Он замолчал и весь согнулся, низко опустив голову. Несколько минут конокрады сидели, не говоря ни слова, не двигаясь. Вдруг Бузыга содрогнулся всем телом, точно просыпаясь от каких-то страшных грез, и шумно вздохнул.

– Что же ты сделал потом с этим немцем? – спросил он сдержанным, но вздрагивающим от злобы голосом.

– А что бы я мог сделать с ним? – печально спросил в свою очередь Козел. – Что бы ты на моем месте сделал?

– Я бы!.. Я бы!.. У-у-у!.. – зарычал Бузыга, яростно царапая пальцами землю. Он задыхался от гнева, и глаза его светились в темноте, как у дикого зверя. – Я бы его сонного зарезал... Я бы ему зубами глотку перервал!.. Я бы...

– Ты-ы бы! – с горькой усмешкой перебил его Козел. – А как бы ты его нашел? Кто он? Где он живет? Как его звать? Может, это и не человек совсем был...

– Брехня! – медленно произнес молчавший до сих пор Аким Шпак. – На свете нема никого – ни бога, ни черта...

– Все одно! – воскликнул Бузыга, стукнув кулаком о землю. – Все одно: я бы тогда стал без разбору всех колонистов подпаливать. Скот бы ихний портил, детей бы ихних калечил... И до самой смерти бы так!..

Козел тихо засмеялся и еще ниже опустил голову.

– Эх, бра-ат, – протянул он с ядовитой укоризной. – Хорошо подпаливать с десятью пальцами... А когда у тебя всего один остался, – старик опять ткнул вперед свои ужасные обрубки, – тогда тебе и дорога одна – на церковную паперть, со слепцами и калекками...

И он вдруг запел старческим, дребезжащим голосом мрачные слова древней нищенской песни:

Ой, лыхо мини, лыхо, уб-о-о-гому...
Сотворите милостыню, Христа ра-а-а-ди...
Благодетели вы иа-а-ши...
Ой, сидим мы, безногие, безру-у-у-кие,
Калики злосчастные, край доро-о-ози-и...

Он мучительным криком, фальшиво оборвал песню, уткнул голову между поднятыми вверх коленями и глухо зарыдал.

Никто не произнес больше ни слова. На реке, в траве и в кустах, точно силаясь перегнать и заглушить друг друга, неумолчно кричали лягушки. Полукруглый месяц стоял среди неба –

ясный, одинокий и печальный. Старые ветлы, зловеще темневшие на ночном небе, с молчаливой скорбью подымали вверх свои узловатые, иссохшие руки...

IV

Тяжелые, частые шаги послышались в лозняке, с той стороны, откуда недавно пришли Бузыга с Акимом. Кто-то торопливо бежал через чащу, шлепая без разбора по воде и ломая на своем пути сухие ветки. Конокрады насторожились. Аким Шпак стал на колени. Бузыга оперся руками о землю, готовый каждую секунду вскочить и броситься вперед.

– Кто это? – шепотом спросил Василь.

Никто ему не ответил. Грузные шаги раздавались все ближе. Среди всплесков воды и треска ветвей уже слышалось чье-то сильное, хриплое и свистящее дыхание. Бузыга быстро сунул руку за голенище, и перед глазами Василя блеснула сталь ножа.

Шум шагов внезапно прекратился. Наступил момент удивительной, глубокой тишины. Даже всполошенные лягушки перестали кричать. Что-то огромное, тяжеловесное затопталось в кустах, свирепо фыркнуло и засопело.

– Эге, да это кабан, – сказал Бузыга, и все вздрогнули от его громкого голоса. – До воды пришел.

– И то правда, – согласился Шпак, спокойно валясь на землю.

Кабан еще раз негодуяще фыркнул и кинулся назад. Долго было слышно, как хрустел он кустами в своем могучем беге. Потом все стихло. Лягушки, точно раздраженные минутной помехой, закричали с удвоенной силой.

– Когда пойдешь, Бузыга? – спросил старик.

Бузыга поднял голову и внимательно посмотрел на небо.

– Рано еще, – сказал он, зевая. – Пойду перед утром. К заре мужики спят, как куры...

Сон понемногу охватывал Василя. Земля заколыхалась под ним вверх и вниз и медленно поплыла куда-то в сторону. На мгновение мальчик увидел, с трудом открывая глаза, темные фигуры трех людей, безмолвно сидевших друг возле друга, но он уже не знал, кто они и зачем они сидят так близко около него. Из кустов, где теснились, гневно сопя и фыркая, дикие кабаны, вдруг вышел сын церковного старосты – Зинька, засмеялся и сказал: «Василько, вот лошади, поедем». И они сели вдвоем на маленькие санки и понеслись с приятной быстротой в темноте, по узкой, белой, беззвучной дорожке, между высокими соснами. Сзади бежал дедушка, он махал своими обрубленными руками и не мог их догнать, и это было необыкновенно смешно и радостно. В гривы и в хвосты лошадей были вплетены бубенчики, и на ветках темных сосен висели бубенчики – со всех сторон доносился их однообразный, торопливый и веселый звон... Потом Василь с размаху быстро въехал в какую-то темную, мягкую стену – и все исчезло...

Он проснулся от холодной сырости, которая забралась ему под одежду и трясла его тело. Стало темнее, и поднялся ветер. Все странно изменилось за это время. По небу быстро и низко мчались большие, пухлые, черные тучи, с растрепанными и расщипанными белыми краями. Верхушки лозняка, спутанные ветром, суетливо гнулись и вздрагивали, а старые ветлы, вздвигшие кверху тощие руки, тревожно наклонялись в разные стороны, точно они старались и не могли передать друг другу какую-то страшную весть.

Конокрады неподвижно лежали, головами внутрь, слабо и плоско чернея своими телами в темноте. У кого-то из них рдела во рту трубка. Она то погасала, то опять вспыхивала на секунду, и красный свет, вперемежку с длинными косыми тенями, бегал по бронзовым лицам. От холода и прерванного сна мальчиком овладела усталость и длительная равнодушная скука. Он без интереса вслушивался в тихий разговор конокрадов и с тупой обидой чувствовал, что им нет до него никакого дела, как не было до него дела этим огромным, быстро несущимся молчаливым тучам и этим встревоженным ветлам. И то, к чему он готовился в эту ночь и что

прежде наполняло его душу волнением и гордостью, показалось ему вдруг ненужной, мелкой и скучной выдумкой.

– Ты все свое. Истинный ты Козел! – с досадой говорил Бузыга. – Куда мне твой соловый жеребенок, к черту? Его же в каждом селе знают, как облупленного. В позапрошлом году угнал я верхового коня у бухгалтера с сахарного завода. Весь гнедой, сукин сын, без отметины, а левая передняя нога, шут ее дери, белая. Я с ним туда, я с ним сюда – все с меня смеются, как с дурня. «Мы, говорят, с глузду еще не съехали. Такого коня и в Ровном не продашь, он по всей губернии известен». Ты не знаешь, Козел, за что я его продал? За кувшин кислого молока. Что свистишь? Верно тебе говорю. Волька Фишкин купил. Увидел, шибенник, что я от жары язык высунул, и зовет меня: «Слушайте, Бузыга, а ну, зайдите трошки до меня, кислого молока выпить». Зашел я, а он мне потом говорит: «Послушайте, Бузыга, мне с вами всегда приятно иметь дело, но этого коня у вас купит только дурень. Все равно вы его вечером бросите куда попало. Лучше бы вы его отдали мне, а я его отведу назад, на завод. Может быть, заработаю сколько-нибудь грошей на чай?» Я ему и отдал лошадь, а он ее потом в Подольской губернии, на Ярмолинецкой ярмарке, продал за сто тридцать карбованцев. Так вот что значит, Козел, таких коней уводить.

– Н-на... это так, – в раздумье протянул старик и почавкал беззубым ртом. – А вот тоже хороши караковые коньки у Викентия Сироты... И подвести легко...

– У Викентия... да, оно, конечно... – нерешительно согласился Бузыга. Викентий, это верно... Только, знаешь, Козел, жалко мне Викентия обижать. Небогатый он мужик и всегда такой ласковый... Сколько раз, бывало, голова трещит, как котел, – скажешь ему: «Опохмели, Викентий», – сейчас постарается. Нет, жаль мне Викентия...

– Ерунда! Никого не жаль, – злобно сказал Аким Шпак.

– Нет, Викентия ты оставь, – твердо приказал Бузыга. – Говори других.

– Кто же еще? Микола Грач разве?

– Микола Грач, это – другой табак. Только хитрый, дьявол. Ну, да все одно – Грача будем помнить на всякий случай.

– Можно еще Андрееву кобылу подвести, белую. Ничего кобылка...

– К черту белую! – сердито воскликнул Бузыга. – И стара, и волосы везде налезут. Первая примета... Помнишь, как Жгун с белой лошадей вляпался?.. Тес... Помолчи-ка, Козел, – махнул он рукой на старика. – Что это с нашим хлопчиком?

Василь корчился на земле, изо всех сил стараясь съежиться таким образом, чтобы в него как можно меньше проникала холодная болотная сырость. Зубы его громко стучали друг о друга.

– Что, хлопек, проняло тебя? – услышал он вдруг над своей головой густой голос, звучащий с непривычной мягкостью.

Мальчик открыл глаза и увидел склонившееся над ним большое лицо Бузыги.

– Постой-ка, я тебя укрою, – говорил конокрад, снимая с себя пиджак. Что же ты раньше-то не сказал, дурной, что тебе холодно? Повернись трошки... Вот так...

Бузыга заботливо подтыкал полы пиджака под бока мальчику, а сам сел подле него и положил ему на плечо свою широкую, тяжелую руку. Чувство невыразимого удовольствия и благодарности задрожало у Василя в груди, волной подкатилось к горлу и защемило глаза. Пиджак был большой и очень толстый, еще теплый от тела Бузыги и пахнувший запахом здорового пота и махорки. Мальчик быстро стал согреваться под ним. Съежившись в комочек и плотно зажмурив глаза, он ошупью отыскал большую, приятно тяжелую руку Бузыги и ласково прикоснулся к ней кончиками пальцев. И уже опять в его затуманившемся сознании побежала через темный лес белая длинная дорога.

Он заснул так крепко, что ему показалось, будто он только на миг закрыл глаза и тотчас же открыл их. Но когда открыл их, то повсюду уже был разлит тонкий, неверный полу-

свет, в котором кусты и деревья выделялись серыми, холодными пятнами. Ветер усилился. По-прежнему нагибались верхушки лозняка и раскачивались старые ветлы, но в этом уже не было ничего тревожного и страшного. Над рекой поднялся туман. Разорванными косыми клочьями, наклоненными в одну и ту же сторону, он быстро несся по воде, дыша сыростью.

Бузыга с посиневшим от холода, но веселым лицом легонько толкал Василя в плечо и говорил нараспев, подражая колокольному звону:

По-оп Ма-а-ртын,
Спи-ишь ли-и ты?
Звонят в колокольню...

– Вставай, хлопчик, – сказал он, встретив улыбающийся взгляд Василя. Время идти.

Козел глухо кашлял старческим, утренним, затыжным кашлем, закрывая рот рукавом и так давясь горлом, как будто его рвало. Лицо у него было серо-зеленое, точно у трупа. Он долго и беспомощно махал своими культяпками по направлению Василя, но кашель мешал ему заговорить. Наконец, справившись и тяжело переводя дух, он сказал.

– Так ты, Василь, проводишь Бузыгу через Маринкино болото до Переброта...

– Знаю я, – нетерпеливо прервал его мальчик.

– А ты, щенок, помолчи! – сердито крикнул старик и опять надолго закашлялся. – Смотри, чтобы вам в казенном лесу в окно не провалиться. Там трясина...

– Да знаю же я... Говорил ты...

– Дай досказать... Помни, мимо млина не идите, лучше попод горой пройти – на млине работники рано встают. Возле панских прясел человек будет держать четырех лошадей. Так двух Бузыга возьмет в повод, а на одну ты садись и езжай за ним до Крешева. Ты слушай, что тебе Бузыга будет говорить. Ничего не бойся. Пойдешь назад, – если тебя спросят, куда ходил? – говори: ходили с дедом в казенный лес лыки драть... Ты только не бойся, Василь...

– Ну тебя к черту! Ничего я не боюсь, – небрежно огрызнулся Василь, отворачиваясь от старика. – Бузыга, пойдём, что ли...

– Ах ты, капшук. Какой сердитый! – радостно засмеялся Бузыга. – Так его, так, старого пса... Ну, айда. Иди вперед.

Аким Шпак вдруг засопел и затоптался на одном месте. Его хмурое лицо было измято бессонной ночью и казалось еще больше свороченным набок: белки черных глаз были желтые, с кровавыми жилками и точно налитые какой-то грязной слизью.

– Деньги пополам, Бузыга, – сказал он мрачно. – Мы тебя не обижаем. Половина тебе, а половина нам троим: мне, Козлу и Кубику... Так чтобы без обмана. Мы все равно потом узнаем...

– Ладно! – крикнул беспечно Бузыга. – Прощайте!

– С богом! – сказал Козел.

Аким Шпак неуклюже, всем туловищем повернулся к старику, поглядел на него с ненавистью и крепко сплюнул.

– Тьфу, нищ-щий, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

V

Онисим Козел жил со своим внуком на краю села, около моста, в покосившейся набок и глубоко вросшей в землю хатенке, у которой давным-давно развалилась труба, белая наружная обмазка отпала извилистыми кусками, оголив внутренний слой желтой глины, а стекла, кое-где замененные толстыми тряпками, стали от времени зелено-матовыми и отливали радужными цветами. Кроме их двоих, здесь жила еще Прохоровна – глухая, столетняя, выжившая из ума одинокая старуха. Все трое пользовались жильем бесплатно, из милости односельчан, тем более что в эту же вымороченную хату, по распоряжению начальства, свозили со всей волости, для вскрытия, удушенных, утопленных, скоростижно умерших и убитых в драке крестьян. Тот самый стол, на котором обыкновенно обедали трое отщепенцев деревенской жизни, служил в этих случаях для помещения трупов.

Василь вернулся домой усталый и встревоженный (Козел пришел раньше и уже лежал на печке, прикрывшись с головой рваным зимним кожухом). Мальчику удалось благополучно проводить Бузыгу до Переброта. С мельницы их, кажется, не заметили, хотя там уже копошились люди и стояли телеги. Они нашли в указанном месте, у панских прясел, четырех привязанных лошадей, но Кубика при них не было. Это обстоятельство так сильно обеспокоило Бузыгу, что он взял с собой только двух коней, какие были получше, остальных же бросил привязанными, а мальчику велел немедля бежать домой, и бежать не по дороге, а напрямик через Маринкино болото и через казенный лес.

– Испугался Бузыга? – торопливо спросил Козел.

– Испугался – нет, – ответил Василь, тяжело переводя дыхание. – А рассердился крепко. Кубика грозился зарезать... И на меня рассердился... Я ему говорю: «Все равно, Бузыга, я не боюсь, возьмем всех коней и поедем»... Как он закричит и на меня! Я думал, прибьет... Побежал я от него...

– А мне? Мне он ничего не велел сказать?

– Велел. Скажи, говорит, старику, чтобы весь день сидел дома и никуда чтобы не рыпался. А если будут тебя спрашивать про Бузыгу и про коней, то чтобы ты отвечал, что ничего не знаешь и ничего не слышал...

– Господи, царица небесная, что же это такое... – плаксиво и беспомощно воскликнул Козел.

Василь жадно, большими глотками, пил из деревянного ковша воду.

– Должно быть, за Бузыгой погнались, – сказал он, отрывая на минуту от ковша вспотевшее лицо. – Я, когда болотом бежал, слышал: много народу по шляху поскакало. Верхом и на телегах...

Старик растерянно моргал своими красными, точно вывороченными, слезящимися веками. Лицо у него от страха перекопилось, и один угол рта задергался.

– Ложись, Василь, ложись скорей на лавку! – лепетал он срывающимся голосом. – Ложись скорей. Ой, горе наше, господи, господи!.. Чьих лошадей он увел? Ты не видал? Ох, да ложись же ты!..

– Одну я не знаю, а другая наша, Кузьмы Сотника чалая кобылка...

– Кузьмы? О, господи!.. Что же теперь будет? Как ведь просил я Бузыгу: не трогай из нашего села коней – на тебе! – вздыхал Козел, возясь у себя на печке. – Василь, ты помни, если будут спрашивать, куда ходили, – говори – в казенный лес за лыками. А лыки, скажи, лесник отнял. Слышишь?

– Ну тебя, слышу! – сурово отозвался мальчик.

– Святители и чудотворцы наши, угодники божий! – продолжал причитать Козел. – Не может же это быть, чтобы Кубик донес: не такой он хлопец. А все Бузыга – чугунная голова!..

На кой ему черт было двух коней угонять? Ты говоришь, много народу скакало? Господи, господи!.. И всегда он так: своей головы ему не жаль, так и на чужую наплевать. Ведь сам видит, подлец, что дело дрянь, ну, и утекал бы скорей, – нет, ему надо гусара доказать, перед мальчишкой ему стыдно... Господи, господи!.. Василь, ты спишь?

Мальчик сердито промолчал. Старик долго еще копошился на печке, кряхтя, и охая, и разговаривая сам с собой быстрым, испуганным шепотом. Он хотел уверить себя, что никакой опасности нет, что отсутствие Кубика объяснится со временем какой-нибудь пустой случайностью, что верховые по дороге просто померещились мальчику от страха, и хотя ему удавалось на короткие минуты обмануть свой ум, но в глубине души он ясно и безошибочно видел, как на него надвигалась грозная, неотвратимая смерть. Порою он прерывал свой бессмысленный шепот и напряженно прислушивался. Каждый шорох, каждый отдаленный стук или голос заставляли его вздрагивать и замирать. Один раз, когда под самым окном оглушительно заорал и захлопал крыльями чей-то соседский петух, – старый нищий почувствовал, как вся кровь отхлынула у него от головы к затрепетавшему сердцу и мгновенно ослабевшее тело покрылось горячей, колючей испариной.

Так прошло около часа. Из-за желтых полей, по ту сторону моста, поднялось солнце. В темную закопченную хату, пропитанную запахом овчины и вчерашних щей, хлынули через два окна два воздушные столба веселого золотого света, в которых радостно заплясали бесчисленные пылинки. Козел вдруг быстро сбросил с себя кожух и сел на печке. Его старческие бесцветные глаза широко раскрылись с выражением безумного ужаса. Посиневшие губы криво шевелились, не произнося ни звука.

– Ид...дут! – наконец проговорил он, заикаясь и трясая головой. В-васи-иль, идут... Смерть наша... Василь...

Мальчик уже давно слышал неясный, глухой и низкий гул, который, как раскачавшиеся волны, то подымался, то падал, становясь с каждой минутой все страшнее и понятнее. Но, казалось, какая-то отдаленная твердая преграда еще сдерживала его. И вот эта невидимая стена внезапно раздвинулась, и долго сдерживаемые звуки хлынули из-за нее с ужасающей силой.

– К нам повернули. Убьют нас, Василь! – дико вскрикнул Козел.

Теперь стало слышно, как по улице бежала, тяжело громяхая подкованными сапогами и яростно рыча, огромная толпа, обезумевшая и ослепшая от жестокого, не знающего пределов, беспощадного мужицкого гнева.

– Тащи их сюда! Ломай двери! – заревел под окном чей-то голос, в котором не было ничего человеческого.

Незапертая дверь, сорванная с клямки, распахнулась, оглушительно хлопнув о стену, и в яркий просвет, образованный ею, ворвалась черная кричащая толпа. С исковерканными злобою лицами, давя и толкая друг друга и сами не замечая этого, в хату стремительно ввергались, теснимые сзади, десятки потерявших рассудок людей. Растрепанные, волосатые, озверевшие лица нагромоздились снаружи по окнам, загородив собою золотые пыльные столбы света и затемнив комнату.

Василь сидел, не шевелясь, плотно прижавшись спиной к стене, бледный и дрожащий, но не испуганный. Он видел, как сначала слетел с печки дедушкин кожух и как потом свалился оттуда, беспомощно мелькнув над головами толпы, и сам Козел. Старый нищий что-то кричал, широко разевая беззубый рот, с бесстыдными гримасами ужаса и подобострастия, отвратительными на его старом, изъеденном морщинами лице, потрясал своими поднятыми кверху обрубками, показывал ими на образ, торопливо крестился и с размаху бил себя ими в грудь. А на него лезли со всех сторон налившиеся кровью, остеклевшие от гнева глаза, искривленные бешеным криком губы, его сжимали жаркие, потные тела, под натиском которых старик вертелся, как щепка, попавшая в водоворот.

– Бей его, бей, злодия!.. Что? Врешь, сук-кин сын! Цыпенюк, дай ему раза!.. На улицу его, хлопцы, волоките на улицу! Ты у нас давно, как чирей, сидишь. В землю живого закопаем... Бей! – вырывались из общего рева отдельные восклицания.

– Господа громада!.. Ей-богу!.. Вот как перед богом! – выкрикивал визгливо Козел. – Нехай меня бог убьет на этом месте, нехай меня болячка задавит!.. Чтоб мне, как той собаке, подохнуть без святого причастия!..

Вдруг, покрывая сразу эту бурю проклятий, божбы и ругани, раздался громадный голос Кузьмы Сотника, который, возвышаясь но плечи над толпою, кричал, побагровев от напряжения:

– Стой, братцы!.. Надо это дело обследовать. Тащите его до Бузыги!

– Тащи!.. У-у-у!.. Бери!.. Всем им конец сделаем!..

С той же стихийной стремительностью, с какой эта толпа вторгалась в хату, она кинулась на улицу. Кто-то схватил Василя сзади и швырнул его в кучу барахтающихся тел, и, стиснутый со всех сторон, оглушенный, измятый в дверях кулаками и локтями, он был выброшен общим потоком наружу.

Необычное, странное зрелище представляло село в это прелестное летнее утро. Несмотря на будний, рабочий день, оно все кипело народом. Уже запряженные в телеги и в сохи, но в попытках брошенные людьми лошади стояли почти у каждых ворот. Ребятишки и бабы бежали, не оглядываясь, и все в одном направлении – к церкви. Собаки заливались лаем, куры с тревожным кудахтаньем, бестолково махая крыльями, разлетались в разные стороны из-под ног. Толпа быстро увеличилась новыми людьми и раздалась во всю ширину улицы. Сбившись в густую массу, задыхаясь в давке, разгорячаясь от прикосновения друг к другу, люди бежали с хриплыми криками, с пеной у рта, точно стая бешеных животных.

На лужайке, перед винной лавкой, сплошным черным кругом теснился народ. Обе толпы слились, перепутались и сжали друг друга. Какая-то чудовищная упругая сила выбросила вперед Козла и Василя.

В середине, на узком, свободном пространстве, инстинктивно огороженном толпой, лежал на сырой и темной от крови траве Бузыга. Все лицо его представляло собою большой кусок окровавленного, разодранного в клочья мяса. Один глаз был вырван и висел на чем-то, похожем на красную, мокрую тряпку. Другой глаз был закрыт. Вместо носа по щекам разлипалась большая, мягкая кровяная лепешка. Усы были залиты кровью. Но самое ужасное, невыразимо ужасное, было в том, что этот обезображенный человек лежал на земле и молчал в то время, когда вокруг него клочкотал и ревел опьяненный злобой народ.

Кузьма Сотник схватил Козла за ворот свитки и с такой силой пригнул его вниз, что старик упал на колени.

– Гей! Тихо! – крикнул Кузьма, обернувшись назад. – Молчите.

Он был сегодня вождем и возбудителем страстей. Его послушались. Рев толпы понемногу стих, точно убегая от передних к задним.

– Бузыга! – раздельно и внятно крикнул среди наступившей тишины Кузьма, низко наклоняясь над конокрадом. – Слышишь, больше тебя бить не станем. Отвечай по совести: был с тобой Козел или нет?

Бузыга молчал, не открывая своего единственного глаза. Его грудь подымалась так часто и так высоко, что казалось невероятным, что человек может так дышать, и при каждом вздохе в горле у него что-то свистело и всхлипывало, точно там с трудом просачивалась сквозь узкую трубку какая-то жидкость.

– Ты не прикидывайся, сволочь! – грозно возвысил голос Кузьма, и, высоко занесши ногу и крикнув от натуги, он со страшной силой ударил своим подкованным сапогом Бузыгу в низ груди, в то место, где начинают расходиться ребра.

– У-ух! – тяжело и жадно вздохнула разом вся толпа.

Бузыга застонал и медленно поднял веко.

Первое, что он увидел, было лицо Василя. Бузыга долго, пристально и равнодушно глядел на мальчика, и вдруг Василю показалось, что запекшийся рот конокрада чуть-чуть тронулся страдальческой и ласковой улыбкой, и это было так неестественно, так жалко и так страшно, что Василь невольно вскрикнул, всплеснул руками и закрыл лицо.

– Говори же, сатана! – крикнул в ухо Бузыге Сотник. – Слухай: если скажешь, кто тебе подмогал, сейчас отпустим. А то убьем, как собаку. Господа громада, скажите ему: правду я говорю чи нет?..

– Правду... Говори, Бузыга, ничего тебе больше не будет, – глухой волной перекатилось в толпе.

Бузыга тем же долгим, странным взглядом поглядел на Василя и, с усилием раздвинув свои разбитые губы, произнес еле слышно:

– Никто... не был... один...

Он закрыл глаз, и опять его грудь заходила высоко и часто.

– Бей его! – пронзительно вырвался из задних рядов чей-то дрожащий, нервный, полудетский голос. Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнее надвинулась на узкое пространство, где лежал конокрад.

Козел, не вставая с колен, подполз к Кузьме и обхватил его ноги.

– Миленькие!.. благодетели! – лепетал он бессмысленно и слезливо. – Ножки, ножки ваши целую... Видит бог, дома был... ходил лыки драть... видит бог!.. Матерь божия!.. Голубеночки ж вы мои... миленькие!.. Стопочки ваши целую... Калека я...

И он в самом деле, ползая на коленях и не выпуская из рук сапог Кузьмы, так иступленно целовал их, как будто в этом одном заключалось его спасение. Кузьма медленно оглянулся назад на толпу.

– Черт с ним! – вяло произнес какой-то древний старик, стоявший впереди.

– Черт с ним! – подхватило несколько голосов. – Може, и не он. Это крешевские, ихний и конь был!.. Чего там?.. Отпустить Козла... Это крешевские... допросить старосту...

Козел продолжал ползать на коленях от одного мужика к другому. От ужаса близкой и жестокой смерти он уже перешел к блаженной радости, но нарочно из угодливости притворялся непонимающим. Слезы бежали по его безобразно кривившемуся лицу. Он хватал, не разбирая, чьи-то жесткие мозолистые руки, чьи-то вонючие сапоги и вчас, жадно целовал их. Василь стоял, бледный и неподвижный, с горящими глазами. Он не отрывался от страшного лица Бузыги, ища и боясь его взгляда.

– Уходи! – сурово сказал Кузьма Сотник и толкнул старика ногой в спину. – Уходи и ты, Васильке!.. Бузыга! – крикнул он тотчас же, повернувшись к умиравшему конокраду. – Слышь! Я тебя в последний раз спрашиваю: кто с тобой был?

Толпа опять надвинулась ближе. Та же самая сила, которая только что выбросила Козла и мальчика вперед, теперь несла их назад, и встречные люди нетерпеливо давали им дорогу, так как они мешали их напряженному вниманию. Сквозь мягкую и плотную преграду человеческих тел Василь слышал глухой, точно задавленный бас Кузьмы, продолжавшего допрашивать Бузыгу. Вдруг прежний тонкий истеричный голос крикнул над самой головой мальчика:

– Бей Бузыгу!..

Все, что стояли сзади, тяжело навалились, тесня передних, и горячо задышали. Козел с Василем очутились на свободе.

– Господи, царица наша небесная! – радостно бормотал старик, одним обрубком вытирая слезы, а другим торопливо крестясь. – Василь, родненький ты мой! Господи!.. Выскочили мы с тобой... Василь!.. Господи... выскочили! Что ж ты стоишь? Бежим до хаты!..

– Иди, я не пойду, – мрачно сказал Василь.

Он, казалось, был не в силах отвести свои горящие глаза от черной, неподвижной, страшно молчаливой толпы. Его побелевшие губы шептали, дрожа и дергаясь, какие-то непонятные слова.

– Василько, ходим же! – умолял Козел, хватая внука за руку.

В это время черная масса дрогнула и закачалась, точно лес под внезапно налетевшим ветром. Глухой и короткий стон яростно прокатился над ней. В один миг она тесно сжалась, и тотчас же опять раздалась, разорвавшись клочьями, и опять сжалась. И, оглушая друг друга неистовыми криками, люди сплелись в безобразной свалке.

– Василь, миленький, ради бога! – бормотал заплетающимся языком старик. – Пойдем... убьют ведь нас!..

Ему удалось с трудом оттащить мальчика от лужайки. Но на углу Василь, пораженный внезапно наступившей тишиной, вырвался от деда и оглянулся назад.

Толпа не бурлила больше. Она стояла неподвижным, черным кольцом и уже начинала таять: отдельные фигуры – понурые, с робкими движениями, точно прячась и стыдясь, медленно расплзались в разные стороны.

– Господи, помяни раба твоего, грешного Левонтия, и учини его в рай, привычной нищенской скороговоркой зашептал Козел. – Убили Бузыгу, – сказал он с притворной печалью.

Он знал, что народный гнев уже достаточно насытился кровью и что смерть прошла мимо его головы, и не умел скрыть своей глубокой животной радости. Он заливался старческим, бесшумным длинным смехом и плакал; болтал лихорадочно, без остановки и без смысла, и делал сам себе лукавые, странные гримасы. Василь с ненавистью поглядывал на него искоса и брезгливо хмурился.